

An artistic illustration of two soldiers in camouflage uniforms standing on a mountain ridge. The soldier on the left is seen from the back, holding a rifle. The soldier on the right is in profile, also holding a rifle. They are looking out over a vast, hilly landscape under a blue sky with clouds. The style is painterly and dramatic.

Владимир Кирпильцов

**ДЯДЮШКА ДЭН —
ПО ДОРОГЕ НА ВОЙНУ
И ОБРАТНО**

Владимир Кирпильцов

Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804886

*Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно: Общественная
ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; 2020
ISBN 978-5-907379-21-3*

Аннотация

«Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно» – это рассказ о судьбе человека, пережившего немало на своем пути, но сумевшего выжить и обрести счастье. Война для мужчины – дело привычное, проверка на прочность. И главный герой ее с честью прошел. Но есть и другая жизнь...

Судьба Артура Карловича – это путь к себе, к мирной жизни с любимой женщиной и дочерью. Потеря близких людей, преодоление собственной неуверенности, ужасы войны и близкая смерть – все это он сумел осилить и преодолеть, и как награда – новая жизнь, полная радости и надежд.

Владимир Кирпильцов

Дядюшка Дэн – по дороге на войну и обратно

*С благодарным поклоном офицерам армии
и контрразведки, доверившим автору реальные
события своей судьбы и личной жизни – для
написания этого рассказа.*

Автор иллюстрации – Тыщенко Елена Петровна

В небольшом городке, называемом местными не иначе как Новоричка, найти эту странную женщину без имени оказалось несложно. Тем более для Артура Карловича – старого контрразведчика, опера-сыскаря с двадцатилетней выслугой лет.

Впрочем, придуманное операми полковнику «погоняло» – Дядюшка Дэн – как-то больше соответствовало его облику, чем собственное звучное имя. На рыцаря Артура из рода царственных Карлов плешивость и бухгалтерская внешность полковника не тянули. А привычка к скрупулёзной точности, по-китайски неукоснительному следованию занудливой цитатности приказов и указаний, всегда безнадёжно отстававших от реалий жизни, и вовсе вызывала зубовный скрежет у сослуживцев.

Тем не менее, Дядюшка Дэн своей аскетической преданностью работе и «доставучестью», (надо отдать должное – результативной), заслужил уважение среди сыскарей, но, увы, не их дружбу.

Про его личную жизнь мало кто знал. Но потому, как безотказно он ездил «на войну»... – Да хоть – за границу! – коротая бытие от командировки до командировки, можно было догадаться: что-то в этой ипостаси у него не складывалось. Да и то – как с таким сухарём сладишь?.. Хотя – что-то, но антитеррористические меры защиты группы российских войск, базирующейся по договору с одной из восточных

стран за границей, были его профессионально объезженным до деталей коньком.

Так случилось, что Новоричку, где ему встретилась эта загадочная женщина, никак не объехать как перевалочную базу. Здесь его хорошо знали и военные, и гражданские как опытного сыскаря и контрразведчика, который уже немало и довольно результативно служил, получая боевые награды. Но... без особого продвижения по службе. Его больше устраивала небольшая группа оперов – специалистов по зарубежному терроризму, знающих своё дело, – которой он и руководил по своим неписаным правилам. Зато – достаточно результативно.

Сама Новоричка стала с недавних пор для его группы последним рубежом готовности. Дальше – дорога и переброска контрразведчиков в группу войск за границей. Там намечена замена личного состава и техники с движением по горно-лесистой местности. По оперативным данным Дядюшки Дэна, главарь группы международных террористов Абурахман из одной из восточных стран – уже там. Значит, жди нападения на колонну. Как-то он себя проявит. А это – хоть небольшой – шанс, при его скрытности, взять его живым.

А противник был силён – накопившаяся на границе масса умеющих и жаждущих воевать мужчин – боевиков из многих стран со своей верой в миссию очищения мира от «неверных», а по сути – просто от несправедливостей и бедности своей жизни. Там, в горной гряде, явственно прочерчивалась

грань между миром и войной.

За много километров от той границы, в Новоричке, группа оперов Дядюшки Дэна останавливалась для уточнения деталей операции довольно часто. В группе – опер по кличке Рейнджер, оправдавший свою кличку уже не одной боевой операцией. А опер Семирко... Ну, что тут сказать – да шустрее в деле розыска и оптимистичнее в самой затруднительной ситуации, пожалуй, не сыскать. В последнее время в этом городке приходилось останавливаться до уточнения всех деталей в таком рисковом деле, как розыск террористов... Дядюшка Дэн не раз сюда заезжал.

Но эта женщина, танцующая какой-то варварский танец на кургане в прошлой поездке, не выходила из головы. Потому... На этот раз он, оставив дела на своих оперов, искал ту одинокую танцовщицу из далёкого прошлого мира, которую случайно и мимолётно увидел в прошлую поездку. Он и сам не понимал – почему его притягивало это такое яркое выражение чего-то от непознанной силы выживания древних предков – утраченного, но будто возвращённого из тайн этого кургана варварскими, но такими завораживающими телодвижениями странной незнакомки?

– А-а, так это ж Аглая! – почти каждый встречный реагировал на вопросы Артура Карловича одинаково. Насмешливое: «Кто ж её не знает, эту учительку истории, танцующую на древних сарматских курганах?» – с ухмылкой скользило к: «Она на этих сарматах...» Дальше всё подразумевалось

легко.

И ему показывали дорогу вдоль старых одноэтажных домиков, с очень похожими палисадниками, двориками с беседками и навесами, увитыми виноградом или хмелем прямо перед крыльцом. За ними – небольшие садочки из вишен, яблонь «Белый налив» и абрикосов, прикрывавших ветвями просторные огороды и какие-то строения на задах – курятники или сараи. Третье тысячелетие ещё не пришло сюда со своими евростандартами.

Домик Аглаи ничем особым из этого ряда не выделялся, если бы не цветочный палисадник. Он уступал выпуклой яркой ядрёности сельских «придворных», а вернее – «прикалиточных» цветочных насаждений, но неизменно приковывал взгляд прохожего странной смесью неярких цветов среди покрытых разноцветными мхами валунов, изящных колосков и стеблей, увитых ползучими и мягкими, как бахрома, травками и папоротниками.

Аккуратно выструганный ажурный заборчик давно требовал мужской руки, впрочем, как и детали резного крыльца, и старинные двери с резьбой по дереву, с металлической стёртой ручкой-кольцом, изображающей голову мифического грифона.

Дядюшка Дэн прошёл к крыльцу и постучал в дверь этим замысловатым тяжёлым кольцом, отчего она, скрипнув, сама открылась. Пройдя через небольшую прихожую в гостиную, он остановился, заворожённый тихим сумраком ком-

наты, любовно хранившим здесь старинную размеренность бытия.

В углу слегка раскорячилась на гнутых ножках старая, проеденная жуками, но сохранившая следы женской заботы развалюха-этажерка с потрёпанными книгами: Геродот, Карамзин, Спиноза, Блаватская, Аврелий Виктор и ещё какие-то, названия которых Артур Карлович не разобрал. Книг немного, но почти все старинные. Может, ещё начала века. Брюсов, открытый на страничке романа, описывающей какой-то потусторонний шабаш ведьм на лысой горе, лежал сверху стопки.

Каким-то образом это ассоциировалось с хозяйкой – той самой незнакомкой на кургане, со странным впечатлением – до жжения в спине – от её пристального, чуть насмешливого взгляда. Он обернулся – мелькающие тени пронеслись по задней стене... Глухой стук падения за окном... Скрип входной двери – и никого...

Не женщина, а привидение.

В эту девушку, танцующую на кургане, он почти упёрся ветровым стеклом служебной машины около недели назад... Так вышло, что он оказался первым, кто подвернулся под руку начальству, когда поступило сообщение о каких-то концентрических кругах в пшеничных полях. Да и лучшей кандидатуры, чем скептик-материалист Дядюшка Дэн, для рассеивания ажиотажа вокруг «инопланетного посещения» трудно было сыскать.

Он поднялся на служебной машине по серпантину на плоское плато Ставропольской возвышенности, оставив внизу широкие разливы мутных стремнин Кубани, бликующих перекатами в опушке роскошного южного леса.

Поле действительно выглядело чудно, с идеально уложенными в геометрически выверенные просеки колосками. Внимательное обследование показало, что здесь проходил от кургана только один человек. Хотя вряд ли одному под силу сотворить подобное на столь большой площади. Общую композицию можно было увидеть только с высокого холма – посмертного пристанища какого-то древнего сарматского воина.

Он пошёл по этому единственному следу, круто ведущему через скрытые в травах колдобины на вершину кургана.

Чертыхнувшись на последнюю из них, провалившуюся под его ногой в пышное разнотравье, он ступил на твёрдую, кем-то утоптанную плоскость: наконец-то – вершина. Артур Карлович поднял глаза и невольно охнул. Облака так близко неслись над его головой.

– Мать божья! Да тут с небом разговаривать тет-а-тет можно!

Курган находился на самой верхотуре Ставропольской возвышенности. Справа обнажённым глиняным хаосом обрывался далеко вниз оползень, пробивший на своём пути нечто весьма похожее на узкий каньон. Его острые, нависшие над обрывом края, как взметнувшиеся на крутой волне

парусники, летели навстречу быстро бегущим облакам над морем лесов и степей, волнующимся далеко внизу серебряными проблесками рукавов и плёсов реки. От того небесного бега под яркими лучами солнца барашкообразные вершины деревьев меняли цвета от серебристо-купоросного, изумрудно-зелёного, до тёмных с красновато-фиолетовыми отливами. Это солнце щедро разукрашивало их стремительными волнами до самого горизонта.

И над всем этим великолепием, на обратном склоне танцевала какой-то странный, диковатый танец женщина с обликом юной девушки. Она с любопытством посмотрела Дядюшке Дэну в глаза, улыбаясь тонкими изящными губами, показывая добродушные, очаровательные ямочки на щеках. От улыбки её подбородок ещё больше заострился, обнаруживая некоторую варварскую скуластость, так гармонирующую с этим диким полем и лесом.

Что-то в её наивном первобытном танце стопорнуло привычный ход его жизни – на то самое мгновение, которое хотелось остановить, наткнувшись на нечто, занозой вонзившееся в самое сердце... Оно у Артура Карловича, к его собственному удивлению, оказывается, было.

Почему эта стройная женщина, сложенная по-взрослому, с беспечными и угловатыми варварскими движениями изящного тела, напомнила ему совсем другую маленькую девочку?

Вот так же непосредственно могла радоваться немного-

словному и не улыбочивому «папе Карло» – то есть ему самому – Саня-Санечка. Её, дочку своей нынешней супруги, он любил, пожалуй, даже больше, чем жену-красавицу, которую в своё время «увёл» у одного... одной высокопоставленной мрази...

А теперь жена медленно, но верно отдалялась от него. Кроме благодарности за прошлое, за порядочность и мужское плечо, подставленное в трудную минуту, чего-то главного у неё так и не состоялось со «слишком правильным» Артуром Карловичем. А чужая дочка, ставшая своей, родной, озаряющей озорством и доверчивостью его жизнь, его Саня-Санечка, вот так же, по-детски непосредственно, пританцовывала, искренне отмечая таким образом каждое появление дома, казалось бы, неласкового, молчаливого папы Карло.

Он всегда терялся, когда она бесцеремонно запрыгивала ему на колени и гладила оспенную неровность его щёк, будто не соглашаясь с природой, не подарившей внимания и должной красоты её «большому, сильному и доброму динозаврику». Так она его называла за преданную немногословность в играх, которые она затевала, а он всегда откликался на это имя, иногда неловко, но всегда старательно и серьёзно. Дядюшка Дэн вообще относился к каждому слову Саньки серьёзно.

– Папа Карло, а почему птицы летают?

– Видишь ли... – и он начинал рассказывать про аэроди-

намику, силу земного тяготения, теорию Дарвина о выживании видов. Санька упивалась мелодией непонятного серьёзного взрослого разговора, ощущая и как земля тянет, и тугой ветер продлевает прыжки вверх, и под копчиком что-то зудит – наверное, а-та-визм в хвост пошёл расти...

В конце концов папа Карло запутывался и честно признавался:

– Я и сам не могу объяснить себе – как они летают.

– А я могу, – спокойно заключала Санька.

– Да-а? – загорался он серьёзным, неподдельным – во всю плешь – всполохом любопытства, причём, именно к её мнению. – Почему же они летают? Ну, пожалуйста...

– Да потому что очень хотят летать, – уверенно и просто говорила Санечка.

И папа Карло восхищённо молчал, удивляясь открытию. На какое-то время он озадачивался и соглашался – без огромного желания эволюции вида не было бы. В самом деле, как надо сильно хотеть стать крокодилом, чтобы потом всю жизнь сидеть в болоте!

Он рассмеялся при ней громко и открыто только один раз... Неправильно громко, так можно и ребёнка испугать – так он считал и больше этого не допускал. Это случилось, когда Санечка, оставив щёки, наслюнявила ладошку и стала старательно прилизывать его редкие торчавшие волосы, приговаривая:

– А это у моего динозаврика... плешезаврики.

Теперь ему стало нестерпимо жаль, что он так мало смеялся...

Боль и нежность этого танца на кургане пронзила тогда Дядюшку Дэна лишь на мгновение – впереди слишком важные, не терпящие отлагательства дела.

Но всё-таки это была боль, боль, смешанная с надеждой, что в личной жизни всё ещё утрясётся! Не важно, как это произойдёт, может быть, совсем легко, как тот непосредственный, искренний танец на кургане.

Он быстро приближался к танцующей, старательно заменяя гримасу боли маской деловой сосредоточенности. И рыночно-базарное обращение типа: «Женщина, а как тут пройти к...» – никак не шло на язык и не вписывалось в заоблачный танец. «Гражданка» – как-то навязчиво напоминало о конституционных правах и обязанностях. «Дама» – вообще не соответствовало своей монументальностью этой летящей лёгкости.

Он решил, что «товарищ женщина» сойдёт. Зато ничего не забыл.

В этот момент она подпрыгнула в озорном «па», взбрыкнув ножкой и небольшой остренькой грудью под свободно облегающим покроем, и вместо «товарищ» у него вырвалось непрощено ласковое: «Девочка моя!...»

Она резко остановилась, изумившись теплу обращения, неожиданному, «неправильному» и неловкому, судя по по-

красневшему лицу человека с редкими взмокшими волосами... И – не возмутилась, не рассмеялась, а только улыбнулась растерянно, не зная, как ответить на добрую нежность человека... с пистолетом, выглянувшим воронёной сталью из-под распахнувшейся полы пиджака.

– Вы ищете здесь именно людей или любого из тех, кто действительно всё это сделал? – Она окинула рукой овалный узор на пшеничном поле у подножья кургана.

Такая постановка вопроса, вернее, даже полуответ на все его вопросы сразу, вызвал смущение у старого сыскаря.

– Это вы позвонили... ну, об этих кругах в поле. Как вы это обнаружили?

Она пожала плечами.

– Просто пришла сюда. Я здесь часто бываю. Это похоже на сарматские узоры на древних украшениях, не правда ли?

Дядюшка Дэн неопределённо пожал плечами, ища опытным взглядом следы хотя бы ещё одного человека в поле. Но их не было, и этот непреложный факт тяготил его рациональную «размышлялку» чем-то неправильным, неожиданным, как танец этой женщины.

Он хотел ещё что-то спросить, но зазвонил мобильник. Шеф сообщил – на подходе уфологи, а с ними лучше пока не встречаться. Пусть разбираются учёные.

Кажется, это их машина замаячила внизу – на серпантине. Надо уезжать другой дорогой.

– Вы можете поехать к парому, – женщина угадывала его

мысли, указывая рукой на просёлок. – Я сама с ними поговорю.

Почему он не спросил тогда её имени – Дядюшка Дэн и сам не знал...

Теперь, по дороге «на войну» против терроризма, доказавшегося из-за рубежа до границ юга России, он оказался снова в этом городке, а дела он привык всегда доводить до логического конца.

Непоколебимое рациональное мышление не хотело поддаваться чертовщине...

Артур Карлович выглянул в окно. С яблони падали яблоки.

Тени на стене комнаты в её домике причудливо менялись, быстро двигаясь почему-то снизу вверх. Наверно, просто летящие с яблони листья – нерушимый материализм упорно раскладывал всю эту «метафизику» по полочкам... Хотя... тени какие-то крупноватые для листьев, и почему – в обратном направлении? Всё-таки сила тяготения земли... – твердил себе Артур Карлович.

Ощущение пристального взгляда на спине оставалось. Отвлечься от мистики всегда помогали книги. Но не те, которые лежали на её этажерке.

О том, что Брюсов писал романы, он раньше не знал и заглянул в конец повествования. Предметно отточенная память с удивлением констатировала: очень похоже на «Марга-

риту» Булгакова, тот же шабаш ведьм на лысой горе – только написано раньше.

На отдельной полочке для мелочей стояли две коробочки, очевидно, выполнявшие роль шкатулок. Их интригующая «старинность» притягивала потускневшими красками, потраченными на время, людей, их серую будничную жизнь, которую следовало согреть затейливыми завитушками и узорами.

Одна, жестяная, оказалась всего лишь банкой из-под осетрины в томате с изящной вязью на старославянском «Я емъ консервы только Т-ва Юсиф С. Кефели. Балаклава. (Крымъ)».

Вторая – побольше, картонная с тонким узором на крышке и боках, напоминавшим скорее банкноту с изображением головы Меркурия и солнца с лучами, торжественно освещавшими прозаическое «Папиросныя гильзы Александра Сергеевича Викторсона. Москва. Болш. Ордынка». И ещё какие-то коробочки из-под старинных папирос.

В углу стоял огромный ящик приёмника «Телефункен» явно довоенного выпуска, покрытый кружевным покрывальцем с вышитыми крестиком ангелочками.

А над ним – большой, старый, пожелтевший плакат в стиле модерн начала 20 века, скорее всего работа Альфонса Мухи, с изображением сочной округлой женщины в белой соблазнительной тунике, склонившейся над замоченным в деревянном ушате бельем. Оно, уже выстиранное, разлеталось,

как крылья, над порхающими изящно округлыми руками и тонкими пальчиками, тщательно выписанными мастером.

И всё в гармонии. Тёплого цвета руки и обнажённые плечи, как бы это... – логически точных определений Дядюшке Дэну не хватало...

«Такая притягательная точность и тщательность мастера, наверное, являет собой какую-то важную, скрытую за обыкновенной постирушкой аллегорию», – подумал Дядюшка Дэн.

А напольные, возвышающиеся башней часы с потрескавшимся лаком на резных ангелочках, неспешно нашёптывали: «Останови мгновение, не торопи вечность».

– Вам нравится?

От неожиданности Дядюшка Дэн повернулся, поставив коробку от папиросных гильз обратно на полку.

– Притягивает, правда? – женщина с кургана присела на старую кушетку, обитую гобеленом с потускневшей пасторалью.

– Да, – Дядюшка Дэн с трудом искал подходящие слова, заполняя паузу нерешительным жестикулированием, но привычных отточенных формулировок в голову не шло.

Аглая улыбнулась:

– Да не напрягайте мозги. Вы слишком часто это делаете. Получается не лучше, чем «товарищ женщина». А вот когда не напрягаетесь...

Она не договорила, но он-то помнил своё неловкое «де-

вочка моя!» в их первую встречу. Именно так, а не «товарищ женщина», как хотел сказать. Или с памятью...

Незнакомка засмеялась по-доброму, и ему тоже стало легко и смешно от своей неловкости на кургане. Легко и спокойно, как с Сашенькой. И все слова стали находиться сами собой:

– Ну что ж, если хотите – здесь у вас поселилась Неспешность. Наши предки умели притормозить бег жизни. – Он взял коробочки. – На таких пустяках – и столько тонких вензелей и деталек, которые хочется рассмотреть не спеша. Не спеша съесть эту осетрину в томате, запоминая вкус – не осетрины, нет, а мгновений жизни, украшенных вкусной, чёрт побери, едой. Кажется, в этом есть какое-то предостережение нам: ямщик, не гони лошадей!

Аглая развела руками, удивлённо и восхищённо одновременно, что в переводе с красноречивого взгляда её любопытных глаз означало:

– Ну вот! Ведь можете «оторваться»... Так отрывайтесь же!

И Дядюшка Дэн «оторвался», всё больше удивляясь себе:

– Вот у этой женщины на плакате... Тут, наверное, что-то важное. Судя по её... – он опять стал искать определение, подходящее для округлых форм женщины и нашёл, – ...основательности. Она говорит нам что-то о вечном, сакраментальное и... Я не прав?

– Ну, да! – Аглая заглянула в зеркало, сделала умори-

тельно серьёзное лицо, слегка надув щёки и машинально, без тени флирта, подтянула ладонями вверх обтянутые майкой изящные грудки, чтобы придать им похожую внушительность. Их отчаянно сдавленная весомость обнаружила удивительную и по-девчачьи забавную задиристость, и заострённость. Но спрессовать под подбородком лёгкую округлую полноту – признак женского очарования с плаката начала двадцатого века – ей не удалось. Утончённость черт лица так и не позволила реализовать полное сходство в уморительном напряге из трёх попыток.

Они оба расхохотались. И дядюшка Дэн не помнил – когда он так легко и свободно смеялся, освобождённый от двусмысленности женского кокетства. Его просто не было.

Задоринка и непосредственность Аглаи уже поселились в душе Артура Карловича, стали её частью.

– А давайте выпьем!

Из его нелепой сумки – не с первого раза, но всё же... – лёгким движением руки!.. артистично... ну, почти что артистично... была извлечена, выпорхнула бутылка коньяка.

– Это от барона Штейнгеля осталось с начала двадцатого века – как раз под ваш интерьер... – чик, – добавилось как-то само.

– Ну, уж вы загнули! – Аглая откровенно любовалась преображением этого, казалось, сухого, аскетичного с виду незнакомца.

– Согласен. Насчёт коньяка – загнул. Сегодня приобрёл.

Не знаю почему. Так, проходил мимо, смотрю – десятилетней выдержки. Представляете – этот напиток целых десять лет созревал, чтобы освятить наше знакомство. Поверьте, именно освятить, потому... Ну, вообще в жизни я менее разговорчив. Наверное – всё ваш коньячный завод. Он действительно бароном Штейнгелем основан. Не так ли?

Дядюшка Дэн взъерошил редкие, с остатками былой курчавости, волосёнки, встряхнулся – где наша ни пропадала, только не в доме с прекрасной дамой – и стал похож на воровья. Или на гастарбайтера, готового поработать кем угодно, хотя бы официантом, если найдутся стаканчики.

Царственность её указательного взмаха тонула в смешинках на щеках и в глазах. Слова пропадали в журчащем голо-совыми переливами смехе детской радости и искренности!

Он с радостью почувствовал, как здорово быть смешным и вызывать весь этот каскад искрящихся масок очаровательной радости на лице женщины!

Недавний сутулый счетовод с нелепой авоськой вдруг выпрямился и пошёл за указующим перстом дамы в позе бравого, вытянутого в струнку официанта с подобострастно оттопыренным задом. Откуда взялась эта смешная осанка – он и сам не понимал. Видел где-то на старой картине:

– О-о! Две серебряные стопки – подойдёт!

Налитое – выпито! Выпито со сладким чувством соучастия – в ощущении вкуса коньяка и радости жизни.

– И снова налито.

– И всё-таки о сакраментальном на этом старинном акварельном плакате. Что здесь написано на плакате такими крупными буквами? Прямо как чугуном литым.

– Это на французском. – Аглая с пафосом прочла, – Blue De schamps. En vente ici. Поняли?

– Что-то голубое? И, судя по музыке вашего произношения, важное?

– Да, вы так думаете?.. – она не выдержала и снова залилась негромким ласковым смехом, став озорной девчонкой:

– Это просто реклама синьки для стирки белья.

– Да что вы говорите?

Они смеялись оба, перебивая друг друга:

– Сакраментально... Вся жизнь – это стирка... Чужого и своего дерьма... А если не отбелить, так мы её синькой, синькой. Сразу посвежеет...

Дверь в прихожей застонала, и в комнату влетел мальчишка лет четырнадцати в подранной рубаше и разбитым носом.

– Познакомьтесь. Мой сын Ясик – чудный мальчик!

– Не Ясик, а Яс – сама меня так назвала, – мальчишка зло растирал кровь по лицу и рубаше.

Его злость и кровь как-то ассоциировались с необычным именем мальчишки – Дядюшка Дэн почувствовал сразу. И в этой злости сквозила какая-то упрямая – до расшибания носа – гордость.

– Опять с этим Гогой-Магогой схватился. Он же старше тебя на два года, – устало опустила руки мама.

– Пусть возьмёт свои слова обратно. А то я их ему в... В общем, куда надо – туда и запихну. – Яс-Ясик ушёл в другую комнату, и оттуда раздался скрип пружинной кровати.

Аглая заметно расстроилась.

– Кто такой Гога-Магога, и какие слова он должен забрать? – спросил Дядюшка Дэн.

– Дело в том... – смех Аглаи по-детски быстро перешёл в набухшие на глазах слёзы. – Гога – выпускник в школе, где Яська учится. Гоге я двойки по истории ставила. А он шутиком оказался. Сказал про меня... – знаете, дети бывают иногда злыми – что-то оскорбительное. Что именно – Яська мне не говорит. Но думаю – про Яськино рождение... без отца, и в мои неполные шестнадцать лет. Такие темы в маленьких городках долго не забываются. Знаете, не было, не было у девчонки никого, а потом сразу с ясеня ребёночка надуло. – Она опять засмеялась, лёгким движением смахивая слезу.

– Яс – это...? – Артур Карлович подбирал слова.

– Ну да... Гога приплёл яшень на берегу речки, под которым я – старшеклассница – с молодым учителем истории часто сиживала. Хотя он к моему мальчишке не имеет никакого отношения. Рождение моего сына осенено кронами других деревьев, – она опять удивительно просто засмеялась своей шутке о выстраданном и глубоко скрытом в тёмных глазах. – Я уже в шестнадцать была помешана на истории. Могущественное сарматское племя было такое – Ясы, или Языги. Прямо здесь, на нашей земле, жили много веков на-

зад. Ясенька – Яська – всего лишь уменьшительное.

– Понятно! – Артура Карловича понесло. Причём – по совершенно не свойственной ему роли. Уж на кого, а на Бендера... Такая схожесть могла примерещиться только в глупом сне. Впрочем, он и чувствовал себя во сне, освобождённым искренностью этой женщины от нелепых запретов и предрассудков.

Он встал и решительно направился к двери в комнату Яса, а уж затем по привычной вежливости обернулся и не спросил, а скорее констатировал:

– Вы позволите!

Она и пожать плечами не успела, как этот человек, уже мало похожий на смиренного тихоню-бухгалтера, оказался в комнате у сына.

«Что это со мной? Меня прямо-таки понесло, а... – подумал дядюшка Дэн, – а, по правде говоря, я просто «тащусь!»» Это определение пришло само из некогда услышанного от семиклассника – сына сотрудника из его группы оперов...

– Здравствуйте, Яс. Мне кажется, что Вы просто позволили себя избить. И, судя по всему, человеком из иной весовой категории... Килограмм так на десять потяжелее.

– На двадцать, – буркнул Яс с пренебрежением к вежливому тюфякоподобному господину в очках, нахально влезающему в его жизнь.

– Ого! Тогда позволять себе просто махать с этим человеком – значит заведомо быть битым. Каждый его удар

отшвырнёт Вас, как котёнка. При такой разнице достаточно пропустить только один. Вы намерены и дальше выглядеть перед пацанами котёнком?

– Мы не намерены, – Яс отрицательно замотал головой.

– Тогда перейдём на «ты». Первое – не бери удары на себя.

– Как это?

– А ты пропускай их в последний момент мимо, а потом ещё и легонько подтолкни его инерцию в том же направлении. Пусть себе летит – голубь сизокрылый. Под таким весом приземление, или пристолбе... короче – остолбенение об высоковольтную или иную линию, ящик, здание, близко проходящую корову... куда смотришь в окно – я не о той немногочисленной женщине – приведёт к тяжёлым для него последствиям. А для этого надо кое-чему научиться. Давай-ка, вставай... И бей меня.

Яська посмотрел с недоверием, нехотя встал напротив этого бухгалтера, скинувшего пиджак, и с удовольствием ткнул его в живот. Но рука пролетела куда-то в пустоту с дополнительным ускорением, полученным от лёгкого толчка в локоть по направлению движения. Яс озлобился и ударил сверху – и опять тоже самое. И потом... всё то же самое, то же самое – полёты с грохотом в пустоту.

– Ну, хватит. Ты понял, в чём секрет? Твой удар этому Магоге, как слону – дробина. Его удар в несколько раз мощнее. Вот его и используй против него же самого. Даже помогай его удару в последнее мгновение. Главное – ты должен

поднырнуть мимо него. Вот тогда... Ну ты видел...

Вошедшая Аглая с немым недоумением смотрела, как двое, маленький и большой, пытаются молотить друг друга, но сами же летят от удара, приканчивая последнюю целую мебель по пути следования собственного неуправляемого тела.

Они её не замечали. Ясу явно понравилось. Он учился с упоением.

– И последнее. Особо секретное оружие.

Взмыленный Яська затих в священном трепете, передавшимся и Аглае, остающейся незамеченной за старой, с кистями, шторой, прикрывающей вход. Что-то ей подсказывало – дальше только для мужчин, но соблазн кое-что узнать про эту породу останавливал. Она бесстыдно подслушивала.

– Если уж не смог уйти от сближения, то и не дёргайся со своими ударами – хватай его за... гениталии... Как за что?! – да за яйца, чёрт побери! Хватай и держи крепко-накрепко. Вот так!.. Ага, глаза на лоб полезли, и дёргаться уже не хочется, не так ли?

Мальчишка охнул и стал судорожно глотать воздух...

– Теперь ты понял, насколько надо давить? Э-э! Тренироваться будешь не на мне, а на...

– Понял, – сказал Яс, – на кошках.

– На котах... помойных, – добавил новоявленный сэнсэй, намекая на Гогу. – Правильное кино смотришь, Яс! Наше!

И тут же, даже не обернувшись, обратился к Аглае, на-

ив-но полагавшей себя невидимкой:

– Тебя два мужика оставили только подслушивать, а ты ещё и подглядываешь!

Дверь хлопнула, унося лёгкий аромат Аглаи, который полковник уже научился неосознанно отличать.

Оба сидели, запыхавшись.

– Ну, как? Маленько освоил?

Яс закивал, соглашаясь. Но ещё больше уходя в себя.

– Ладно, говори, чего он там наболтал, какие слова будем засовывать в... Магоге... Ну, чтобы дело с концом. Говори просто! Как мужик – мужику!

Лицо Яськи скомкалось стыдом и желанием этого самого «как мужик – мужику»:

– Он сказал – верит в непорочное зачатие...

– Что ж в том плохого?

– Он потом добавил: «Вот и Яська у нас от непорочного зачатия. Посидела ученица с учителем истории на лавочке под ясенем, у речки – вот тебе и Яська».

– Да-а, однако, в прозорливости твоей маме не откажешь. Понимаю – плохо на душе у тебя, парень, от того прискорбного факта, что некому мать защитить. Я ведь тоже рос один у мамы, очень больной мамы... Всякие унижения приходилось перемалывать. Настроение иногда было...

Они оба замолчали, вспоминая и перемалывая нервом и желваком каждый своё, но уже в унисон...

– А хочешь, рецепт твоего исцеления от хандры покажу.

Там у тебя под крыльцом не бочка ли?

Во дворе странный дядька разделся, неожиданно для Аглаи, обнажив угловатый, но сильный мускулистый торс. Он хотел снять и брюки, но, заметив её в окне, остановился, оставив и непрезентабельную майку, судя по виду – застиранную неоднократно впопыхах, скорее всего, прямо под краном:

– Давай, таскай холодную воду в бочку, и бегом.

Когда бочка наполнилась холодной колодезной водой, приказал:

– Лезь, поможет!

– Да ну... – Яська разочаровался.

– Лезь!

– А самому слабо?

Сэнсэй «сделал ручкой» нечто, вроде: «Спокойно, Вася» – и шандарахнулся, не снимая брюк и майки, в бочку.

Вода вытолкнула подземельным чистым ключевым холодом. Артур Карлович вылетел из бочки как ужаленный:

– А теперь ты! Что, слабо?

Яс осторожно полез в воду, постепенно погружаясь и испытывая страдания.

– Да не мучайся! – вконец обнаглевший дядька подтолкнул его плечи, и Яс свалился головой вниз. И тут же, едва не захлёбываясь водой, холодом и возмущением, появился над краем бочки. Но его мучитель опять силком засунул его под воду.

Яростный Яська вынырнул и, дерзко, в отместку схватив голову обидчика за редкие волосёнки, утопил её... Потом ещё и ещё... Обмен любезностями взаимоутопляемых продолжался, пока старший утопленник не вынырнул прямо перед лицом Яски с нелепыми антеннами волос, включенными цепким захватом мальчишеских пальцев.

– Лучше б ты Гогу-Магогу так за яйца держал! – посетовал новоявленный марсианин, стараясь пригладить редкие клочки волосьев, не отличающиеся завидной густотой.

Яська хохотал, убегая по двору от этого ненормального, пока оба не шлёпнулись мокрыми задами на крыльцо. Горячие волны охватывали расплёрные ледяной водой розовые тела, забывшие о недавней хандре и озлоблении на человеческую несправедливость. Было светло и чисто, будто новый лист жизни начинался с Самой Заглавной буквы.

Аглая принесла полотенце. Яська, ойкая и отбиваясь от материных рук, убежал сам вытираться. Она осталась убирать капли на мужской, ожидаемо сильной спине, на шее, вытянувшей, судя по всему, нелёгкую жизнь, и потому несколько заглубившей от напряжений, исчерченной толстыми синими венами.

Он не двигался. А спина просыхала под полотенцем и женскими тонкими ладошками, отвечая жаром тела, разбуженным холодной водой и... хотя определение этому «и» ещё не пришло. Но горячая спина уже испаряла не воду, а тонкий запах слегка взволнованного крепкого мужского те-

ла, вернее – кожи, не очень ровной, даже грубовато скалистой на крупных лопатках – крыльях.

Она невольно наклонилась, вдыхая запах мужской силы, и случайно коснулась упавшими кончиками волос его плеч и спины.

Он замер, не зная, как относиться к этому блаженному состоянию...

Но тут тревожно «зазвонил» внутренний будильник. До отъезда группы осталось пол часа.

Полковник вскочил, оказавшись с Аглаей лицом к лицу. Она попыталась накрыть его полотенцем от сумеречного холода. Он принял эту заботу с нежностью, переходящей в тишину ожидания чего-то...

Но рядом с яблони с глухим стуком упало яблоко, испугав и тишину, и...

– Давай лучше ещё по одной... для согрева и на дорожку.

Она кивнула с радостью женщины, понимающей и считающей глубокие, невысказанные чувства мужчины-господина. Не того господина, что владеет только женским телом, а того – кто питает веру в опору.

Он поднял свою стопку:

– За знакомство!

Она засмеялась, озадачив его.

– А что – мы ещё не знакомы? Артур Карлович, – он искал ещё слова, которые бы чётко определили расстояние между ними в возрасте. На дедушку для её сына он чуть не дотяги-

вал, а для неё... при нарастающей и, увы, осознанной плешивости...

– Полковник... э-э... – слова не находились.

– Аглая, или просто «товарищ женщина» – так ведь?

Дядюшка Дэн покраснел, удивляясь, что она каким-то образом прочла в его мыслях заготовленное, но не высказанное на кургане обращение.

Она смеялась его растерянности, тут же невероятно быстро перепрыгивая от беззаботности в серьёзность, и даже отчаянную, с переходом на «ты», печаль:

– Ты уходишь на войну? Ведь верно?

Он пожал плечами, промолчал.

– Тогда тебе нужен оберег. По обычаю ясов, самый сильный оберег может изготовить и преподнести только самая близкая женщина. У Вас такой нет, я вижу.

– Должно быть, в обереге что-то колдовское, – Артур Карлович скептически улыбнулся. – Какая-нибудь смесь протёртой лапки летучей мыши, замешанной на крови трёхлетнего крокодила?

– Ну-у, почти так. В конце концов, крокодилы в юбках тоже бывают. А в остальном... Не важно, – она интригующе полыхнула румянцем. – Не думаю, что рецепт его изготовления сильно воодушевит Вас. А пока прочтите надпись на доньшке серебряной стопки.

Он прочёл: «Штабс-капитану Корзунову от генерала от кавалерии Кутепова за примерную доблесть во славу Отече-

ства. Боже, храни лейб-гвардию».

– Держи её при себе, пока не выйдешь оттуда. И ещё не забудь – в конце придётся поминать погибших. Не спрашивай – я знаю. Обязательно помяни из неё. Мёртвые давно минувших дней в том нуждаются, поверь мне. Просто поверь и не спрашивай ни о чём.

– Я не могу. Старинное, дорогое, наверное, фамильное серебро.

– Когда в ней у тебя не будет надобности – она сама вернётся ко мне, – Аглая странно засмеялась.

– Артур Карлович! Вот! – Яська подошёл и подал ему старые спортивные ярко-красные штаны. – Ваши-то мокрые. Застудитесь. А эти всё равно на меня большие, а на Вас не так малы будут... Научите меня драться?

– Не подлизывайся. Драться – нет. Воевать – хотел бы научиться, да боюсь, ты не готов.

– Я не готов?!

– Когда научишься убирать эту дурно-ярость из глаз и из головы, тогда будешь готов. В соперничестве или в войне надо выигрывать, если хочешь – умей переиграть противника. Ярость – плохой советчик.

Нелепый мужчина в светло-торжественной сорочке с галстуком, сером пиджаке, и в ярко-красном трико с заковыристыми молниевидными лампасами китайского производства шёл к калитке, буквально на глазах возвращаясь к облику скучно-квалифицированного, «с приветом», счетовода-бух-

галтера...

Аглая окликнула его, опять переходя на «вы»:

– Артур Карлович, а зачем Вы собственно приходили?

Он стукнул себя по голове:

– Совсем забыл. Хотя уже не важно. Я и так всё понял. Вы ведь тогда, на кургане, не видели никого?

– Не видела. Те, на Жигулях – уфологи – натоптали-натоптали и уехали назад, в город, ни с чем. Смешные. Они хотят нашими мерками нащупать то, что находится за пределами наших возможностей восприятия.

– Что-то вне нашей логики? – Артур Карлович скептически улыбнулся. – Тогда нам это ни к чему. Мы-то живём в трёхмерном ящике и никуда из него не выскочим. – Он очертил этот самый ящик и, подтянув «молниелампасный» подарок Яськи чуть выше пупка, вышел за калитку, прямо туда, в привычный для него мир – без чудес с уфологами, но в прямом столкновении с вооружённым до зубов, тем самым международным терроризмом. Назавтра предстояла встреча и новое задание – там, где уже война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.